

# Гибридные угрозы: переосмысление изменяющегося характера современных конфликтов<sup>1</sup>

*Фрэнк Г. Хоффман*

## **Ключевые моменты**

Текущие военные действия Америки в Афганистане и Ираке выявили недостатки в нашем понимании сложности современных войн. Кроме того, наша культурная призма задерживает институционализацию способностей, необходимых для распространения операций по поддержанию стабильности и проведения миссий по борьбе с повстанцами.

В настоящее время продолжают дебаты по поводу будущих угроз, которые зачастую сформулированы в качестве дихотомического выбора между борьбой с повстанцами и традиционной войной. Это упрощает планирование обороны и решения о распределении ресурсов. Однако вместо противников, использующих фундаментально различные подходы к ведению военных действий, нам следует ожидать таких, которые будут использовать все формы войны и, возможно, даже одновременно. Такие смешанные угрозы часто называют гибридными угрозами. Комбинированное применение разнородных средств гибридными противниками используется для получения асимметричного превосходства.

Таким образом, теперь перед нами стоит выбор не просто между подготовкой операций по поддержанию стабильности и ведением высокоинтенсивных военных действий. Мы должны быть одновременно готовы к обоим вариантам развития событий, против врагов более жестоких, чем сегодняшние.

Это эссе расширяет пространство современных дебатов по поводу данной угрозы. Оно сравнивает и противопоставляет четыре конкурирующие перспективы, оценивает их готовность и риск последствий. Такая оценка риска доказывает, что гибридная угроза представляет наиболее операционный риск в краткосрочный или среднесрочный период. В соответствии с этим, можно прийти к заключению, что гибридные угрозы представляют собой центральный вопрос при обсуждении альтернативных позиций совместных сил.

В важной речи, произнесенной в Национальном университете обороны в сентябре 2008 г., министр обороны США Роберт Гейтс, недвусмысленно дал понять,

<sup>1</sup> Статья впервые опубликована в апреле 2009 г. в издании Strategic Forum № 240 Института национальных стратегических исследований Национального университета обороны США. Редакция публикует перевод данной статьи из-за важности обсуждаемых в ней тем и представленных концепций конфликтов в военном сообществе США.

что не согласен с мнением стратегов и высших военных чинов Пентагона. Он критически оценил сложившуюся военную культуру американцев и призму, через которую наши вооруженные силы воспринимают себя. Через эту призму видны важнейшие цели на будущее, а также будущая расстановка наших сил. Гейтс подвергает сомнению, что образ мыслей, направленность на военную службу и капитализация Министерства обороны именно таковы, какими им следует быть.

Гейтс также заявил, что «определяющим принципом новой Стратегии Национальной Обороны, разработанной Пентагоном, является принцип баланса», который, кроме того, будет играть ключевую роль в предстоящем Четырехлетнем Обзоре Оборонной Стратегии. Этот принцип будет выступать в качестве силы, которая критически пересмотрит предположения касательно будущего, нашего понимания угроз и их соответствующих приоритетов. Гейтс придает особое значение необходимости достижения баланса между нашими сегодняшними конфликтами и склонностью Пентагона планировать военные операции, склоняясь к более каноническим, традиционным сценариям. Министр считает, что Пентагон постулирует долгосрочные проблемы, которые имеют мало общего с нынешними конфликтами, несущими большую вероятность угрозы. Он использовал термин «следующие войны», чтобы описать призму, искажающую способность Армии видеть военное дело четко и объективно.

Концепция баланса занимает центральное место в сегодняшних дебатах по безопасности, но эта проблема намного сложнее, чем может показаться на первый взгляд. В каком размере ресурсы должны выделяться для проведения текущих операций, а что должно быть инвестировано в будущее? Сколько должно быть направлено на так называемые нетрадиционные и нерегулярные миссии, такие как борьба с повстанцами, а сколько на борьбу с традиционным военным потенциалом? Каким образом мы должны инвестировать скудные средства, чтобы сохранить этот баланс? Как нам необходимо балансировать между военными задачами, возможностями наших сил, рисками и ресурсами?

В кругах министерства обороны эта «борьба за следующую войну» продолжается уже в течение некоторого времени. Обсуждения были неудачно организованы как выбор между идеализированными дихотомическими вариантами. Это искаженное представление очень упрощает критическое военное планирование и решения о распределении ресурсов. Гейтс подразумевает, что такое положение совсем не соответствует тому, как он понимает концепцию баланса. Цель настоящего эссе — сделать дебаты по поводу бюджета оборонной отрасли после операции «Иракская свобода» более масштабными и привлечь внимание к позиции Объединенных вооруженных сил.

Это переосмысление окажет значительное воздействие на расчет военных сил и их позиций. В идеальном мире наши военные части будут иметь четкий размер, и мы будем формировать различные силы для выполнения отдельных

миссий по всему спектру конфликтов. У нас были бы отдельные силы для проведения антитеррористических операций, противоповстанческих операций, экспедиционных миссий, и тушения редких, но существенных межгосударственных пожаров. Обучение и оснащение этих сил будет обеспечено таким образом, чтобы они соответствовали ожидаемым условиям операции и масштабу угрозы. Но мы не живем в таком идеальном мире, и мы должны подготовить и сформировать наши силы в среде большей неопределенности и меньшего количества ресурсов. Будучи министром обороны, Гейтс отметил, что программа финансирования ликвидации последствий терактов вот-вот будет отменена, и этот факт требует от Пентагона пересмотра своих приоритетов и озвучивания жестких заявлений. У нас больше нет ресурсов, чтобы просто купить все необходимое и устранить все риски. Настало время мыслить по-новому.

Настоящее эссе начинает расширять массив возможных позиционных вариантов для множества американских военных вместо того, чтобы принимать как есть развивающийся характер современных конфликтов и бездействовать. В этой дискуссии гораздо больше претендентов, и гораздо более широк спектр вариантов, характеризующихся различными рисками и различными изменениями в инвестиционной политике. Учитывая экономический кризис и необходимость тщательно управлять нашими оборонными ресурсами в следующем десятилетии, важно, чтобы администрация Обамы поняла, сколь многочисленны и многовариантны режимы ведения войны, с которыми мы сталкиваемся. Администрации необходимо избежать стратегического перенапряжения. Ей нужно принимать трудные решения о том, как разумно сбалансировать риск.

Кроме того, дискуссия до сих пор была сосредоточена лишь на роли сухопутных сил для будущих военных сценариев. Но необходимо понять степень вовлеченности всего военного сектора, так как ВМС и ВВС имеют отношение к текущим конфликтам и, несомненно, будут иметь решающее значение. Их вклад в будущие операции необходимо изучить более скрупулезно.

### **Конкурирующие школы**

Эндрю Басевич изобразил сегодняшнюю стратегию после операции «Иракская свобода». Он провоцирует дебаты в широко цитируемой статье «Доктрина Петрэуса». Басевич отобразил жесткий выбор между двумя конкурирующими лагерями в вооруженных силах США. На одном конце конфликта группа, которую Басевич насмешливо называет крестоносцами, которые заняты борьбой с повстанцами и нерегулярными угрозами, словно они заслуживают особое внимание наших вооруженных сил. Сторонники конкурирующей школы на другом конце конфликта названы традиционалистами. Они утверждают, что необходимы силовые структуры для ведения обычных войн. Басевич персонализировал

продолжающуюся дискуссию, выделив двух выдающихся современных авторов, Нагя и Джентила, имеющих противоположные позиции.

Х. Л. Менкен характеризует позиции в эссе Басевича как четкие, аккуратные, но совершенно неверные. Его «черно-белая» модель выбора создает ложную бинарную систему, которая отлично подходит для средств массовой информации, но грубо упрощает и искажает концепции стратегических путей Америки.

Четыре различные школы думают над тем, как решить эту проблему позиционирования сил. Их попытки будут оценены в эссе. В каждой школе определены основная военная угроза, ее вероятность и последствия. Альтернативный подход, основанный на упоминаниях в литературе о растущей «гибридной угрозе» также включен, поскольку лучше всех описывает вариант формирования и распределения совместных сил. Кроме того, требования к структуре вооруженных сил и позиционные изменения, которые будут необходимы для поддержки каждой школе, также рассматриваются. Четыре школы — это:

«Подавляющие восстания», подчеркивают, что с высокой долей вероятности имеют дело с представляющими все большую проблему нерегулярными противниками;

Традиционалисты, занимаются предотвращением обычных угроз;

«Внутренние помощники», пытаются сбалансировать риски, связанные с многочисленными угрозами, стремясь обеспечить достаточное количество людских ресурсов, чтобы справиться со всеми возникающими проблемами;

Сторонники «разделения труда», стремятся сбалансировать риск, распределяя вооруженные силы по-разному, для выполнения различных миссий.

### **«Подавляющие восстания»**

Сторонники этого лагеря ставят перед собой задачу традиционно сосредоточить узкоориентированные силы и выступают за преобразования, сделанные исходя из сегодняшних сражений. Они считают, что Ирак и Афганистан представляют собой нечто гораздо большее, нежели преходящие тенденции в развитии конфликта. Они утверждают, что массированные образования, состоящие из традиционных вооруженных сил и ведущие крупномасштабную войну между обычными противниками — далекие от реальности сценарии ведения конфликта. Такая расстановка сил не должна быть ключевым пунктом в формировании вооруженных сил будущего. Они утверждают, что, вероятнее всего, проблемы и высокие риски возникают в связи со слабостью государств, с существованием неуправляемых территорий, транснациональными угрозами, существованием последователей радикальных версий ислама.

Сторонники данной школы утверждают, что целью военных является не сохранение предпочтительных парадигм, а подготовка к возможному

возникновению чрезвычайных ситуаций и защита интересов Америки. Они опасаются, что американская военная культура откажется признать свое первенство, и даже необходимость, компетентность в осуществлении такой задачи, как свертывание операции в Ираке. Это было бы стратегической ошибкой, еще более предосудительной, чем всеобщее забвение, которое имело место после войны во Вьетнаме. По их мнению, подготовка к веку асимметричных войн — не глупость, не вопрос стратегического выбора или «имперских заблуждений», это просто стратегическая необходимость в эпоху постоянных конфликтов.

Сторонники школы подчеркивают, что этот принцип должен быть отправной точкой для американских военных. Некоторые из них высмеивают понятие нерегулярной борьбы в нашей культуре ведения войны как ошибочное и критикуют концептуальную слепоту американских военных в вопросах частоты и сложности нетрадиционных форм конфликта. Военный эксперт Барак Салмони утверждал:

«Только когда американские военные и гражданское руководство перестроят нерегулярные части и сформируют регулярные, начнется кардинальная реструктуризация сил, перевоспитание персонала должным образом, эффективное оперативное планирование, эффективное развертывание и использование вооруженных сил».

«Подавляющие восстания» считают, что врагами Америки являются обучающиеся, обладающие высокой адаптивной способностью существа, которые признают бесперспективность противостояния Соединенным Штатам в открытой войне. Вместо предсказуемого поражения цели в настоящем, цели, которую легко обнаружить и уничтожить, эти противники будут продолжать вести нерегулярную войну, чтобы посрамить неопытных в ведении такой войны американских военных.

Некоторые именитые военные офицеры этой школы обеспокоены тем, что американские военные искажают программу тренировки солдат, меняют не в лучшую сторону спектр возможностей, необходимых для создания сил, способных доминировать в нерегулярной войне по принципу того, как доминируют наши воздушные и морские силы в настоящее время. Как выразился один автор:

«Войны сегодня — источник множественного опыта, передающегося в каждую следующую фазу конфликта. Эта новая эпоха войн «американской эры» с окончанием периода индустриального общества коренным образом изменила способ ведения войны, и будет определять способы ее ведения для последующих поколений».

Школа утверждает, что нерегулярная война не просто другая и имеющая больший приоритет, но она также не может успешно проводиться силами общего назначения, которые готовятся к ней не так, как это необходимо. Их сторонники требуют «ортодоксальности, [которая] утверждает, что нужны средние военные формирования, решающие любые задачи, тактически надежные, и выполняющие

любые стратегии». Взамен сторонники школы провозглашают необходимость привлечения большего внимания к войнам среди населения, и формирования сил, созданных специально для длительного ведения нерегулярной войны.

### Традиционалисты

На противоположном конце спектра конфликта находятся традиционалисты, которые стремятся восстановить фокус внимания вооруженных сил на «борьбу и победу в национальных войнах». Они сосредоточены в основном на высокой интенсивности межгосударственных войн. Традиционалисты выступают против переориентации сил, в особенности сухопутных войск, от их традиционного назначения, состоящего в участии в крупномасштабных войнах индустриальной эпохи против государств или союзов.

Сторонники этой школы не исключают факт частого повторения нерегулярной войны и признают ее устойчивый характер, но они просто считают, что такие сценарии не должны поддаваться военному вмешательству, и эти непредвиденные обстоятельства не должны быть в центре внимания американских военных. Традиционалисты хотят сохранить текущую структуру закупок Пентагона и его акцент на «тяжелое вооружение» для будущего, что, как они предсказывают, будет общепринятым, и для чего крупные и дорогостоящие вооруженные силы будут стратегически необходимыми.

Эта школа согласится с ключевыми оценками Командования Объединенными силами США по вопросам Совместной Оперативной Обстановки, которое делает вывод, что «конкуренция и конфликт среди традиционных сил будут продолжаться, оставаясь основным стратегическим и операционным контекстом для Объединенных Сил в течение следующих 25 лет».

Традиционалисты особенно настроено относятся к вовлечению в затяжную борьбу с повстанцами в Ираке и Афганистане. Они по праву обеспокоены снижением уровня боевого мастерства в армии и корпусе морской пехоты в связи с ускорением темпов современных конфликтов.

Дебаты, по сути, объединяются стратегическими уроками Ирака. Для традиционалистов наш опыт в Ираке способствовал «поднятию вопроса о целесообразности использования американских вооруженных сил для государственного строительства там, где они не находятся, и где американское военное присутствие не желательно». Сторонники традиционалистов дают ясно понять, что нерегулярные войны/ контрповстанческие операции/ национально-государственное строительство идут вразрез с принципами американской культуры и не являются ее приоритетами. Как утверждает Джентиле:

Основной вопрос... должна ли армия быть готовой к проведению операций по поддержанию стабильности, государственного строительства, борьбе

с повстанцами и подобных этим в более короткие сроки. Как показывает накопленный к настоящему времени опыт, существуют пределы американского военного потенциала, для того, чтобы менять другие общественные системы и правительства, а также ограничение экономических ресурсов при проведении подобных операций.

Традиционалисты также поднимают вопрос о недостатках нашей военной культуры в борьбе против неоднозначной угрозы. Эти недостатки именуются непреложными. Достаточно ли адаптирована военная культура Америки для эффективной борьбы с терроризмом, для нерегулярной войны с коварным противником? Насколько отвечают требованиям реальности институциональные преобразования, сделанные с 2003 года? Готовиться к нерегулярной войне действительно «глупо»? Должны ли мы списать со счетов нерегулярных противников как «озорников», или это обернется повторением притчи о Давиде и Голиафе? Как отмечает один из критиков школы, «военным структурам по-прежнему кажется, что нынешние конфликты лишь временно отвлекают от конфликтов будущего, от основной схватки с пока еще неизвестным, равным по силе противником».

В целом, традиционалистская школа представляет убедительные аргументы в пользу не проведения операций по поддержанию стабильности, но это не подтверждает их предположений о характерных особенностях межгосударственных конфликтов. Большинство геополитических доводов с фокусировкой на практически равные или крупные государства автоматически означают, что конфликты с высокой интенсивностью будут по существу обычным явлением. Результаты этих предположений будут проверены позже.

### **«Внутренние помощники»**

Существует и третья, самая распространенная школа, по крайней мере, среди американских командиров сухопутных войск. Ее сторонники признают необходимость адекватно решать как строго традиционные задачи, так и уделять внимание нерегулярным угрозам. Они предлагают охватывать весь спектр конфликтов и избегать риска крайней оптимизации. Вместо этого они стремятся минимизировать этот риск в ряде военных операций, за счет вложений в качество вооруженных сил, выработку навыков у сотрудников в комплексных проблемах, а также в проведение жесткой, но гибкой программы обучения.

Школа официально представлена в новой доктринальной армейской публикации Полевого Устава 3-0, под названием Операции, которая заявляет, что «стабильность операций — это основа американских военных миссий, которые должны в равной степени отдавать приоритет боевым (наступательным и оборонительным) операциям». Такое положение отвергает узкий профиль миссии

традиционалистов и утверждает, что армия должна готовить ее подразделения к применению полного спектра операций в качестве мер предосторожности, что обеспечивает сбалансированное, гибкое реагирование для командующих объединенными вооруженными силами. Эти полномасштабные операции подчеркивают важность сил, умеющих быть гибкими и быстро адаптироваться к ситуации, способных сражаться и побеждать в бою, как с террористическими организациями, так и с современными вооруженными силами неприятельской армии. Впрочем, реальные приоритеты этой школы могут быть обнаружены в следующем ключевом положении: полномасштабные операции «охватят нас в XXI веке городскими сражениями среди людей, не теряя нашей возможности доминировать над более высоким спектром обычных конфликтов». Это заявление допускает, что традиционные конфликты преследуют более высокие цели, нежели городские сражения и возникающие сегодня угрозы, которые менее требовательны и менее дорогостоящие.

Кроме того, с точки зрения морской пехоты и ключевой концепции управления, которая превозносит универсальность «многофункциональной» Морской Группировки Воздух-Земля (МГВЗ) в военных операциях всех видов, Группировка является фактическим выражением мыслей этой школы. В своем последнем формировании морские пехотинцы корпуса осуществляют «чрезвычайные операции», но стремятся, чтобы к списку их обязанностей добавили новые, однако «без потери обычных возможностей».

Сторонники школы не учитывают ряд ключевых вопросов. Насколько целесообразно то, что силы общего назначения имеют возможность быть обученными, вооруженными и компетентными в таком широком кругу оперативных задач и условий? Как могут наши сухопутные силы быть надежными сразу по нескольким направлениям и перенести акцент на подготовку, обучение и оснащение, не теряя при этом времени и ресурсов на, так называемые, стандартные возможности? Увеличиваются ли ресурсы или подразумевается увеличение сухопутных войск? Еще более важный вопрос, является ли новая версия полномасштабных операций отличной от той, что была в 1990-х гг., когда нетрадиционные программы получили столь малое внимание. С тех пор, как проводились полномасштабные операции и морские «трехблочные войны», такие операции были широко распространены до 2003 г., но, очевидно, только на словах. Как чиновники министерства обороны могут быть уверены, что наши вооруженные силы общего назначения будут действительно готовы благодаря расширению спектра задач в более сложных условиях работы? Будут ли обеспечены практические возможности по выполнению миссии такого широкого профиля войсками? Прячутся ли военные за риторикой о полном спектре доминирования, продолжая в то же время рассуждать о прошлых сражениях? Помимо полученного болезненного опыта, который был накоплен в операциях «Несокрушимая свобода» и «Иракская свобода», действительно ли



службы сделали необходимые доктринальные, организационные преобразования и изменения в оснащении, способствующие успеху по всему спектру военных операций? Ответов на эти вопросы все еще нет, а взгляд на вооружение армии и ВМС не дает утешения. Обе Службы особое значение придают все тем же приоритетам в вооружении, которых они придерживались до текущих операций.

Армия не серьезно изменила свое движение в направлении структур модульных сил или ее 200 \$ миллиардной программы «Будущие Боевые Системы», несмотря на тот факт, что эти планы были основаны на различных угрозах, непрроверженной концепции и даже менее продуманном наборе технологий. Критики полагают, что корпус морской пехоты должен прекратить воспринимать свою миссию, основываясь на модели Иво Джима, построенной на опыте Второй мировой войны, и призывают направить концепцию ее развития в сторону более актуальных и современных угроз.

Понятно, что у обеих Служб свои особенности ведения войны, но трудно очертить их основные программные приоритеты со вновь пришедшим пониманием нерегулярной войны. Будет ли одна из Служб двигаться мимо концепций и доктрин и преобразовывать старые организационные модели? Является ли нынешняя ориентированность на полный перечень операций и «мульти» — МГВЗ просто большим масштабом той же концепции? Действительно ли мы будем готовы к появлению более неумолимых и непримиримых врагов, которые используют адаптивные и асимметричные методы ведения войн? Как мы оцениваем их решимость и готовность, и как мы проверяем вероятности и риск, который представляет собой эта сила?

### **«Разделение труда»**

Ряд аналитиков отвергают фундаментальные положения школы «Внутренних помощников». Вместо этого они соглашаются с К. Колвеллом и утверждают, что нерегулярные и обычные войны представляют собой совершенно различные виды конфликтов, которые, соответственно, требуют сил с разной степенью подготовки, оснащения и различного назначения. Странники такого направления делают большой акцент на предотвращение конфликтов, подготовку к операциям по поддержанию стабильности и на непрямые вложения в силы безопасности с высоким уровнем специализации. Поскольку эта школа четко разделяет роли и задачи между Службами, ее можно охарактеризовать таким выражением как «разделение труда».

Одним из первых сторонников данного направления является Томас Барнетт. В «Новой Карте Пентагона» он утверждал, что американским военным необходимо выполнять две совершенно разные задачи: во-первых, поддерживать стабильность по всему миру и, во-вторых, вести традиционные боевые действия.

Первая миссия системного администрирования была бы возложена на ВМС. Выполнение второй задачи будет ответственностью армии и ВВС, играющих роль боевого Левиафана. Силы Системного Администрирования оказывали бы поддержку глобальному сообществу и предоставляли бы полицейские силы и подразделения кризисного реагирования. Другие наблюдатели поддержали эту концепцию и порекомендовали морской пехоте вернуться к их неизменной военной основе и отказаться от достижения крупных программ, связанных с миссией принудительного вторжения.

Команда из RAND представляет другой подход, который также рационализирует роли и цели и предлагает способы, направляющие будущие оборонные инвестиции:

Необходимо поддерживать стабильность и демократию за рубежом, для чего будет необходимо наличие армии, корпуса морской пехоты и сил специального назначения. Наиболее вероятны региональные войны, в которых американским военным силам необходимо будет бороться — с участием Ирана, Китая (на Тайване) и Северной Кореи — они требуют серьезных обязательств со стороны воздушных и военно-морских сил, а, в первых двух случаях, и американских сухопутных сил.

Соответственно, RAND рекомендовал министерству обороны принять во внимание необходимость сделать акцент на большую долю сухопутных войск США в прямых и косвенных операциях по стабилизации и «признать риск возрастающей нагрузки для сдерживания и победы над крупномасштабной агрессией с воздуха и со стороны военно-морских сил». Эта рекомендация в своей основе заключает ряд предположений: что все три из перечисленных сценария представляют собой наиболее серьезную силу, которая может оказаться непредвиденной для стратегов США; что все три являются уязвимыми для противостояния точным военным действиям; и что политические интересы США могут быть гарантированы или достигнуты без участия сухопутных войск.

Вместо того чтобы разделять полномочия внутри Служб, Эндрю Крепиневич предлагает, чтобы армия распределяла сухопутные войска между операциями по поддержанию стабильности и ведением боевых действий. Он оспаривает положение школы Utility Infelder:

Поскольку спектр задач довольно широк, следовательно, требуется наличие достаточно разноплановых навыков; предпринимаемые попытки выдвинуть силы, которые могут быстро перекавалифицироваться от операций по поддержанию стабильности к конфликтам с высокой интенсивностью являются лишь иллюстрацией к поговорке «мастер на все руки», а на деле получается, что, в конечном счете, эти силы ничего конкретного не умеют.

Его предложение разделило бы армию на два составных элемента: боевые силы 27-ой Пехотной Бригады Тактической группы и Отдел сотрудничества в

области безопасности, занимающийся операциями по поддержанию стабильности. Национальная Гвардия должна быть преобразована подобным же образом. Эти меры обеспечили бы более высокую подготовку для выполнения конкретных задач путем того, что силы были бы организованы, обучены и оснащены для осуществления различных миссий.

### **Гибридные угрозы**

Существует и пятое направление в этих критических дебатах. Некоторые аналитики предполагают, что будущие конфликты будут мультимодальными и многовариантными, не вписываясь в рамки простой характеристики (черное — белое) одной из форм ведения войны. Эти аналитики призывают уделять большее внимание смешанным формам войны, частота которых возрастает. Такая концепция наиболее часто характеризуется как гибридная война. Эта теория основывается на других представлениях о конфликте, которые заслуживают внимания.

В гибридных войнах противник чаще всего представляет собой уникальную комбинацию угроз, специальное назначение которых состоит в выявлении уязвимостей США. Вместо отдельных соперников с фундаментально различными подходами (традиционными, нестандартными или террористическими) мы можем ожидать столкновения лицом к лицу с конкурентами, которые будут применять, возможно, одновременно, все формы войны, в том числе и преступное поведение.

Вероятность такого развития событий предполагает, что наша главная проблема в будущем будет исходить не от государств, которые выбирают лишь один подход, а от государств и союзов, которые выбирают из всего перечня тактик и технологий и соединяют их для удовлетворения собственных стратегических культурных и географических целей. Как писал Майк Эванс еще задолго до последнего Четырехлетнего Обзора Оборонной Стратегии, «возможность продолжения нерегулярных вооруженных конфликтов, размытость их обязательств во времени и пространстве, которые ведутся на нескольких уровнях большой массой национальных и субнациональных сил означает, что война, вероятнее всего, преодолеет определенные границы различных категорий».

Эта концепция размывания способов ведения войны составляла подтекст Национальной Стратегии Обороны 2006 г., предложенной администрацией Буша. Она также является центральной для министра Гейтса и ложным изображением двойного выбора. Кроме того, она находит свое отражение в недавно изданных совместных концепциях в дополнение к морской стратегии и концепции корпуса морской пехоты. Эти документы отражают понимание того, что устаревшие предположения о государствах (традиционных) и негосударственных акторах (нетрадиционных и слабых) больше не являются основой для реалистичного планирования обороны. Будущие угрозы могут в

большей степени быть охарактеризованы как гибридное сочетание традиционных и нерегулярных тактик, децентрализованное планирование и исполнение, участие негосударственных акторов, с использованием одновременно простых и сложных технологий в инновационных направлениях.

Гибридные угрозы включают в себя ряд различных режимов ведения войны, включая стандартное вооружение, нерегулярные тактики и формирования, террористические акты (в том числе насилие и принуждение) и криминальный беспорядок. Гибридные войны также могут быть мультиузловыми — проводимые и государствами, и различными негосударственными акторами. Эти мультимодальные/мультиузловые действия могут проводиться отдельными подразделениями или тем же самым подразделением, только, как правило, оперативно и тактически направленным и скоординированным в рамках основных боевых действий для достижения синергетического эффекта в физическом и психологическом измерениях конфликта. Результаты могут быть получены на всех уровнях войны.

Гибридные угрозы сочетают угрозу государственного конфликта с фанатичным и затяжным характером нерегулярной войны. В таких конфликтах будущие противники (государства; группы, спонсируемые государством или самофинансируемые субъекты) используют доступ к современному военному потенциалу, включая зашифрованные командные системы, переносные ракеты класса «земля-воздух» и другие современные смертоносные системы; а также содействуют организации затяжных партизанских действий, в которых применяются засады, самодельные взрывные устройства и убийства. Здесь возможно сочетание высокотехнологических возможностей государств, таких как противоспутниковые средства защиты от терроризма и финансовые кибервойны, как это было предложено парой китайских служащих, которые являются авторами концепции «Неограниченной войны».

Таким образом, вместо того, чтобы видеть будущее как набор стандартных угроз, нужно понимать, что впереди нас могут ожидать более сложные перспективы. Традиционные или стандартные вооружения будут оставаться важной частью войны, и Соединенные Штаты должны сохранить свои конкурентные преимущества в этой области. Однако становится все более вероятным, что мы столкнемся с противниками, которые сочетают различные методы и способы ведения войны. Мы пока не сталкиваемся с расширяющимся количеством различных проблем, но они приближаются.

Гибридные угрозы не ограничиваются негосударственными субъектами. Государства могут заменить их стандартные подразделения на нерегулярные формирования и выработать новую тактику наподобие борьбы с фидайнами в Ираке в 2003 г. Данные из открытых источников показывают, что ряд сил на Среднем Востоке изменяют свою тактику ведения боевых действий, результатом чего является использование этого более сложного и более рассеянного вида конфликта.

Может обнаружиться все более неуместной характеристика государства как традиционной силы, а негосударственных субъектов в качестве нерегулярной силы. Будущие проблемы будут представлены более сложным набором альтернативных структур и стратегий, как это было в борьбе между Израилем и Хизбаллой летом 2006 г. Хизбалла наглядно продемонстрировала способность негосударственных структур определять уязвимые места в западном стиле ведения боевых действий и разработать в соответствии с этим определенные контрмеры. Ральф Петерс описал сочетание военных элементов и народного ополчения Хизбаллы как «гибрид партизанских и регулярных войск — тип противника, с которым вооруженным силам США, возможно, придется сталкиваться все чаще и чаще». Это дает возможность взглянуть под новым углом на косовский конфликт и последнее вмешательство России в осетинский конфликт, который явно имел гибридный характер.

Уроки, извлеченные из этих конфликтов, оказывают влияние на другие государства и негосударственные субъекты. С государственной поддержкой или без нее, возможности организованных групп возрастают, в то время как стимулы для государств использовать нетрадиционные формы войны на подъеме. Все это требует, чтобы мы изменили наше мышление по отношению к относительной частоте и типам угроз будущих конфликтов. Тактики партизанских и затяжных форм конфликтов часто жестко критиковались и рассматривались как тактики слабых, которые используются негосударственными субъектами, не имеющих средств, чтобы сделать что-нибудь еще. Будущие гибридные противники могут использовать комбинации методов и глубоко асимметричные средства не из-за слабости соперника, но из-за их доказанной эффективности; они развивают тактику сильных и ловких.

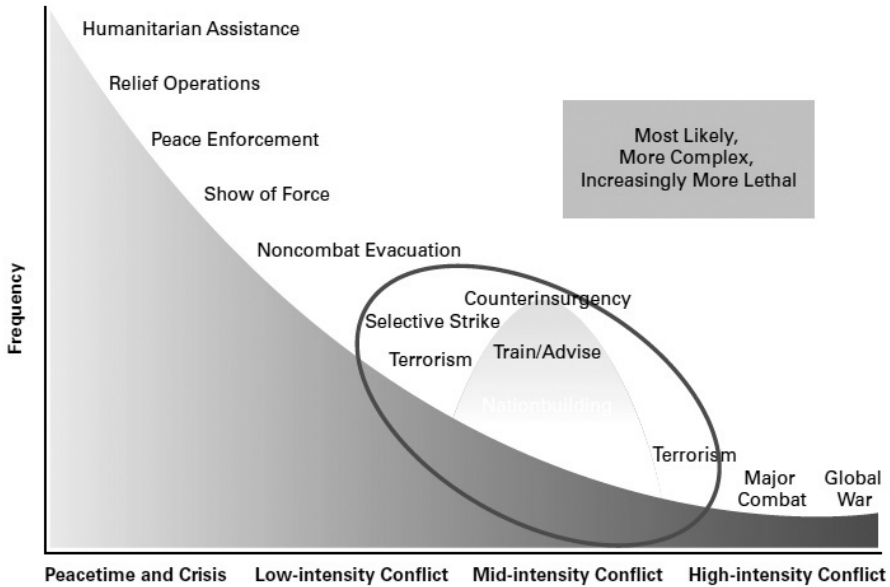
### **Гибридность как ключевой момент**

Теория гибридных угроз является важной в данный момент по ряду причин. Она служит в качестве концепции, которая:

- описывает развивающийся характер конфликта лучше, чем «Подавляющие восстания»;
- решает проблемы текущего «традиционного» мышления и бинарных интеллектуалов, формирующих дискуссии;
- подчеркивает истинную детализацию и широту спектра человеческих конфликтов;
- повышает осведомленность о потенциальных рисках и альтернативных издержках различных вариантов при наличии постоянной угрозы/прений о позиционировании сил.

Гибридную угрозу можно рассматривать как совершенный ключевой пункт по развитию возможностей ряда военных операций, и он должен внести свою

Figure 2. Implied Change in Spectrum of Conflict



ленту в наши усилия в предстоящем Четырехлетнем Обзоре Оборонной Стратегии, а также информировать инвесторов о портфелях ценных бумаг и оценке рисков. Более вероятный сценарий подготовки к победе в смешанном конфликте и действиях в сложных городских условиях — очень рискованный. Такой сценарий порождает большинство операционных рисков при выполнении начальных и промежуточных заданий. Операции по поддержанию стабильности можно проводить чаще, и редкие обычные войны влекут за собой серьезные последствия и вырабатывают привычку к опасности. Тем не менее, гибридные угрозы, особенно со стороны таких государств, как Китай, Россия, Иран и Северная Корея, представляют наибольший операционный риск, который отражен на рисунке, в связи с более высокой интенсивностью конфликта и большей частотой возникновения. Этот пункт изображен в качестве «отправной точки» в кривой изменения спектра конфликтов, миссии и задачи которых сходятся во времени и не выполняются в линейном порядке.

### Анализ рисков

Школа «подавляющих восстания» уделяет больше внимания сегодняшним войнам и возможным сценариям будущего. Эта школа заметно улучшит уровень подготовки операций по поддержанию стабильности и борьбе с повстанцами, уровень выполнения задач путем улучшения отдельных культурных и языковых

навыков, тактической подготовки мелких подразделений, и учебно-консультативных программ. В то же время, этот акцент приведет к тому, что Соединенные Штаты будут менее подготовленными в редких, но требующих выполнения многих задач, обычных конфликтах, а также при гибридных угрозах, которые бы серьезно изматывали вооруженные силы, не готовые к жестокости войны. Но эта школа позволит сократить расходы на оборону в целом, в связи с сокращением потребности в тяжелых и дорогих сухопутных войсках и сопутствующей авиационной поддержке для нескольких межгосударственных войн.

Лагерь традиционалистов сохраняет сегодня конкурентные преимущества в крупномасштабных конфликтах и избегает вовлеченности в длительные затяжные операции по поддержанию стабильности. Традиционалисты сосредоточены на обычных общевойсковых задачах в наиболее опасных сценариях ведения войн и используют традиционные силовые маневры. Эта позиция увековечит синусоиду американской военной незаинтересованности в малых войнах, «малом изменении солдат», согласно Киплингу. То, на что надеется школа — глобальное лидерство Америки, дестабилизирующие последствия вывода американских войск и сопутствующее сокращение доступа в Америку, а также влияние от этого сокращения. Как отметил министр обороны Гейтс, «Соединенные Штаты не могут позволить себе роскошь отказа от участия в конфликтах, потому что эти сценарии не соответствуют предпочтительным для Америки понятиям о войне». Высказанная позиция гарантирует, что существование военных останется важной данью прошлому, которая обанкротит налогоплательщиков и увековечит анахронизм военных организаций.

«Внутренние помощники» не имеют конкретной позиции или ключевого принципа. Они принимают вероятность того, что силы должны быть субоптимальны для того, чтобы справиться с какой-либо конкретной угрозой, но стремятся к повышению эффективности во всех видах военных операций. Эта позиция может натолкнуть на предположение, что вряд ли размеры вооруженных сил и ресурсы будут оставаться высокими. При самых благоприятных прогнозах в отношении ресурсов они будут распределены на мелкие формирования, а большинство подразделений и отдельных лиц не получают информации обо всех заданиях. Затраты на кадры, обучение и оборудование, в рамках концепции данной школы, обходятся немного дороже, чем формирования других школ, поскольку они поддерживают сохранение унаследованных систем и принимают критику со стороны Гейтса, высказавшегося за сохранение концепции американского способа ведения войны.

Школа разделения труда предлагает создавать отдельные формирования для выполнения конкретных задач. Она предлагает высокий уровень подготовки вооруженного формирования к операции с целью обеспечения стабильности выполняемых операций и обычных государственных сценариев ведения войны.

Однако это сопряжено с некоторым риском, что силы Соединенных Штатов не смогут вести войну по длительному сценарию. Потому что конкретные параметры представляют собой две крайности всего спектра конфликтов, эта позиция обеспечивает недостаточную подготовку вооруженных сил для гибридных угроз, но оптимизирует их подготовку для крайних случаев. Существуют также и сопутствующие риски. Как отметил бывший офицер британской армии, размывание четких границ современных операций несет в себе риск, что войска одной конкретной специализации могут оказаться в ситуации, к которой они не готовы.

Этот вариант незначительно повлияет на общий прогнозируемый объем ресурсов. Однако инвестиции в сухопутные войска будут сокращены, поскольку они не призваны предоставлять боевые формирования более чем для одного сценария военных действий. Ресурсы могут быть перемещены в ВВС и ВМС, чтобы обеспечить их модернизацию в нужном направлении.

В целом, подход Школы разделения труда распределяет ресурсы по-разному, с повышенным вниманием к дилемме: что и куда поместить. Этот подход гласит, что Службы не должны получать фиксированные бюджетные ассигнования и что Службы играют роли различной важности в различных сценариях войны. Однако, по версии команды RAND, отмеченной ранее, высказанные позиции почти несравнимы с заключением секретаря Гейтса в том, что «мы должны смотреть с подозрением на идеалистические, триумфальные, или этноцентристские представления о будущих конфликтах, стремящихся выйти за пределы неизменных принципов, а также на уродливые реалии войны, согласно которым допускается терроризировать противника, повергать его в шок или заставлять безоговорочно подчиняться».

Гибридная сила уделяет больше внимания достижениям, ориентируя объединенные силы на гибридные угрозы в условиях сложной для проведения операции местности. Более низкая готовность к начальным и длительным операциям вроде тех, что предусмотрены Крепиневичем, — влечет за собой риск. Но этот риск компенсируется потенциалом совместных сил, которые в конечном итоге будут заняты в сценарии ведения войны, и для формирования которых больше подходят правоохранительные органы, разведка, а также неправительственные агентства. Переход сил к середине ряда конфликтов, чтобы справиться с ними, какими бы сложными они ни были, может происходить за счет обычного потенциала — танковых дивизий и некоторого числа артиллерийских дивизионов. В этом случае возникает риск сокращения возможностей совместных формирований для ведения крупномасштабных, сложных маневров против сильного противника. Такая вероятность могла бы быть снижена другими военными средствами или коалиционной помощью. Затраты ресурсов зависят от модернизации сухопутных войск, их потребностей и ожидаемых широкомасштабных требований по их обучению, но эти затраты не будут обременительными с учетом ожидаемого уровня сегодняшнего финансирования.



## Потенциальный конструкт

Один из ключевых элементов, о которых, в конечном счете, сообщает эта дискуссия — формирование и группировка модели вооруженных сил, которая пройдет в этом году благодаря Четырехлетнему Обзору Оборонной Стратегии. Необходимо пересмотр плана формирования вооруженных сил, нужно сделать особый акцент на нетрадиционных или смешанных комбинациях нерегулярной войны, терроризме и социально опасных элементах. Следует различать мобильные и стационарные военные части, а также учитывать уровень усилий и то, где ведется операция: на своей территории или за рубежом. Как подчеркнул Майкл Виккерс, модель формирования войск должна объяснять применение силы, ее форму, масштаб и продолжительность в крупных боевых операциях. Однако мы не должны механически прийти к заключению, что это аналог модели «холодной войны». Несомненно, нация должна сохранить способность участвовать более чем в одном крупном конфликте, но концепция группировки и формирования войск должна включать в себя больше, чем просто участие в обычных конфликтах и должна позиционировать себя как победителя, использующего более сложные подходы, такие как китайская концепция «жезла наемного убийцы».

Объединенные силы, готовые провести два крупных региональных конфликта гибридного характера, выдвигаются как наилучшая принимаемая расстановка сил. Совокупность «обычных» боевых возможностей двух непохожих друг на друга сценариев создаст необходимую для аварийных условий силу, на случай, если когда-нибудь возникнет хотя бы один из сценариев. Скорее всего, совместные операции по поддержанию стабильности потенциала в двух смешанных сценариях обеспечат необходимые средства для некоторого устойчивого несостоявшегося государственного сценария, который не требовал разбивать современные вооруженные формирования. ВВС — лучший образец этих моделей, и роль вооруженных сил, занятых в специальных операциях, и степень их интеграции в рамках совместной группы предстоит определить Четырехлетнему Обзору Оборонной Стратегии. По своей сути сложный характер гибридных угроз предполагает, что необходимый совместный комбинированный подход вооруженных сил будет преобладать.

Текущее бифуркации спектра конфликтов между нерегулярными и обычными — это ложный выбор, который скрывает от нас ряд важных вопросов. Мы должны оценить наши представления о частоте, последствиях и рисках гораздо более внимательно и аналитически. Не просто выбрать один из видов подготовки к любой долгосрочной операции по поддержанию стабильности или высокоинтенсивному конфликту, быть в состоянии делать и то, и другое, и делать это одновременно с противниками гораздо более безжалостными, чем на сегодняшний день.

Хотя мы по-прежнему подстраиваем различные модели войны в удобные нам категории, будущие противники не будут смотреть через нашу аналитическую призму. Весь спектр конфликтов можно детализировать еще больше, существует больше возможностей для возникновения смешанных типов войны. Будущие противники будут использовать любые методы, тактику или технологии, которые, на их взгляд, будут препятствовать нашим планам. Нам необходимо улучшить положение наших войск, снизить риски, с которыми мы сталкиваемся, и перечислять дефицитные ресурсы для борьбы с угрозами, которые представляют наибольший операционный риск. Гибридные угрозы глубоко асимметричны и представляют огромный риск для вооруженных сил США, а также для реализации стратегических целей Америки.

Мы должны сохранить способность вести успешные кампании как против больших государств и их вооруженных сил, так и против широко рассредоточенных террористов — а также против всего, что может быть между ними. Наши силовые позиции должны быть быстрыми, мы должны склоняться к гибким, многоцелевым силам, которые будут приспособлены к уникальным условиям каждого конфликта. Некоторый уровень специализации может быть необходим, но для дальнейшей перспективы силы должны быть подготовлены не только для одного или другого спектра конфликта, а для сложных гибридных угроз в городской местности и сложной операционной среде. Это позволит минимизировать риски и максимизировать подготовку потребностей в рамках ограниченных ресурсов. Это положение предлагает различного рода баланс между конкурирующими потребностями и ограниченными ресурсами.